

Ялхарова Марем Ахметовна

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИНГУШСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ

Статья посвящена эпистолярному наследию публицистов ингушского зарубежья. Письма писателей ингушской зарубежной диаспоры, являясь документами эпохи и отражая многогранность личностей участников переписки, представляют большой интерес для ингушского литературоведения, для исследователей, занимающихся вопросами ингушского зарубежья. В данной работе рассматривается круг проблем, поднимаемых авторами переписки. Письма ингушской зарубежной диаспоры впервые становятся объектом исследования. Анализ архивных источников, введение в научный оборот эпистолярного наследия писателей ингушского зарубежья представляются актуальными, так как это способствует осмыслению их жизненного и творческого пути.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 49-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, на примере сказки Н. Геймана «Коралина» мы видим, что поэтика постмодернистской сказки – это поэтика «открытого» текста, это произведение в движении, допускающее и предполагающее бесконечное множество аспектов самого произведения, которые, отражаясь друг в друге и взаимодействуя друг с другом, взаимно раскрывают скрытые в них смыслы, а также бесконечное множество аспектов интерпретации, которые не взаимно исключают, но взаимно дополняют друг друга при активном участии интерпретирующей личности.

Список литературы

1. **Белецкая А. Ю.** Типы композиции англоязычного постмодернистского романа // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: II Международная научно-практическая конференция ОГПУ. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 27-98.
2. **Вахрушева М. И.** Языковое и жанровое своеобразие цикла сказок Я. Аржуни „Idioten. Fünf Märchen“ // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: II Международная научно-практическая конференция ОГПУ. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 57-65.
3. **Киреева Н. В.** Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов. М.: Флинта; Наука, 2004. 216 с.
4. **Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.** Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. Традиция – текст – фольклор / под ред. С. Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2001. С. 11-121.
5. **Эко У.** Роль читателя: исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.
6. **Gaiman N.** Coraline [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rednovels.net/fiction/u3108.html> (дата обращения: 10.07.2016).
7. **Goss J.** The Mother with the Button Eyes: An Exploration of the Story Construct of the ‘Other-mother’ [Электронный ресурс] // Papers: Explorations into Children’s Literature. 2009. Vol. 19. № 1. P. 69-72. URL: <http://search.informit.com.au/documentSummary;dn=374747299558939;res=IELHSS> (дата обращения: 15.07.2016).
8. **Rudd D.** An Eye for an I: Neil Gaiman’s “Coraline” and the Question of Identity [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/30502993_An_Eye_for_an_I_Neil_Gaiman's_Coraline_and_Questions_of_Identity (дата обращения: 13.07.2016).

**ENGLISH POSTMODERN LITERARY TALE AS AN EXAMPLE OF THE “OPEN” TEXT
(BY THE MATERIAL OF THE TALE “CORALINE” BY NEIL GAIMAN)**

Khartung Viktoriya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Orenburg State Pedagogical University
vgerasimv@mail.ru

The article aims to examine the poetics and structure of the English literary tale as one of the types of postmodern literary discourse. Having analyzed the imagery structure, allusive markers and traditional binary oppositions of a tale by the example of one of the works of the famous postmodern writer N. Gaiman the researcher concludes that modern author’s tale is a striking example of the so called “open” text presupposing numerous interdependent interpretations and active role of a reader in text generation.

Key words and phrases: post-modernism; literary tale; author’s tale; intertextuality; open text; allusion; cultural code.

УДК 82

Статья посвящена эпистолярному наследию публицистов ингушского зарубежья. Письма писателей ингушской зарубежной диаспоры, являясь документами эпохи и отражая многогранность личностей участников переписки, представляют большой интерес для ингушского литературоведения, для исследователей, занимающихся вопросами ингушского зарубежья. В данной работе рассматривается круг проблем, поднимаемых авторами переписки. Письма ингушской зарубежной диаспоры впервые становятся объектом исследования. Анализ архивных источников, введение в научный оборот эпистолярного наследия писателей ингушского зарубежья представляются актуальными, так как это способствует осмыслению их жизненного и творческого пути.

Ключевые слова и фразы: ингушская зарубежная диаспора; ингушская эмиграция; этапы переселения; эпистолярное наследие; письма; публицисты.

Ялхарова Марем Ахметовна, к. филол. н.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева
maretyalharoeva@mail.ru

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИНГУШСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ

В истории ингушской эмиграции хронологически выделяется три этапа. Первый этап – переселение по экономическим, политическим и духовно-нравственным мотивам в Османскую империю, охватившее все народы Северного Кавказа во второй половине XIX века после окончания Кавказской войны. Вторая волна ингушской

эмиграции возникла после революции 1917 года и Гражданской войны. Третью волну составили те, кто в годы Великой Отечественной войны оказались в плену у немцев и не захотели возвращаться в Советскую Россию. Они обосновались в Германии и Турции, впоследствии какая-то часть невозвращенцев перебралась в США.

Многие представители ингушской диаспоры нередко совмещали разные специальности. Среди них были педагоги, врачи, военные, общественно-политические деятели. Свои широкие познания они успешно представляли в статьях, литературных произведениях, которые публиковали в различных печатных изданиях Германии и Турции. Известными публицистами и политическими деятелями в кавказском зарубежье были братья Магомед и Вассан-Гирей Джабагиевы, Бексултан Котиев (Батырхан), Магомет Котиев (Мехмет Кетей) и т.д.

В литературной энциклопедии С. Е. Берзегга «Писатели в кавказской диаспоре» названы следующие представители ингушского зарубежья: Вассан-Гирей Джабагиев (Джабаги) [2, с. 84], Магомет Котиев (Мехмет Кетей) [Там же, с. 142], Бексултан Котиев (Батырхан) [Там же, с. 51], Салих Хаматханов (Полаткан) [Там же, с. 210], Макшериф Ахриев (Шериф Баштав) [Там же, с. 49].

Деловые письма, письма родственникам, прошения, дружеские послания публицистов ингушской зарубежной диаспоры вызывают не меньший интерес, чем их произведения. Они дают нам не только представление об их представителях или возможность приоткрыть самые потаённые участки их души, узнать об их сокровенных мыслях и заветных мечтах, но и являются документами эпохи, отражающими многогранность личностей участников переписки.

Эпистолярное наследие ингушской зарубежной диаспоры впервые становится объектом научного исследования. Мы располагаем письмами Бексултана Котиева, Магомета Котиева, Ибрагим Гелисханова, а также письмами дочери Магомеда Джабагиева Заремы Джабагиевой, супруги Вассан-Гирея Джабагиева Хелены Байрашевской. В них поднимаются самые разные нравственные, эстетические и общественные проблемы: вопросы ингушской культуры и литературы, проблемы воспитания, национальные и общественно-политические вопросы.

Бексултан Котиев эмигрировал в 1920 году в Турцию, там он взял по имени своего деда другую фамилию «Батырхан», публиковался в журнале «Кузей Кавказия» – «Северный Кавказ». На протяжении нескольких лет он переписывался с внучатой племянницей Мовлатхан Плиевой. В одном из своих писем он затрагивает вопросы истории, ингушской литературы и фольклора, особенностей национального характера. Письмо Б. Котиев написал незадолго до своей смерти, 15 февраля 1972 года. Умер Б. Котиев 4 апреля 1972 года на 84 году жизни. Как видим, наши соотечественники за рубежом на протяжении всей жизни живо интересовались всем, что происходило на родине, были в курсе всех событий, жили интересами своего народа.

Надеемся, что письмо Б. Котиева, в котором он анализирует отдельные произведения ингушских писателей, привлечет внимание преподавателей и исследователей ингушской литературы. В частности, критикуя отражение классово-борьбы в романе А. Бокова «Сыновья Беки», он пишет: «Должен тебе сказать, что очень расстроился, когда читал эту книгу... Бедный ингуш, богатый ингуш или старшина села были одинаковы... Ни один старшина в угоду начальства не опускался до такой низости, о которой пишется в романе, и ни один ингуш не перенес бы плевков пристава в лицо, не говоря уже о старшине...»

Возьмем, к примеру, лавочника Бокова, он и богат, и доносчик. Подумай, какой богач может быть аульский лавочник, дневная выручка которого не составляет и одного рубля? Никакому богачу ингуш не простит донос на него, доносчик это хорошо знал. Если у него нет ни благородства, ни совести, воздержится от доноса из боязни мести, а также и народного гнева на него» [5].

Некорректным находит он отображение ингушского общества и писателем И. Базоркиным: «Вот и писатель Базоркин в своем большом романе старается доказать, что в свое время у ингушей было деление народа... Неправда! Этого не было» [Там же].

Б. Котиев был знаком с известным российским ученым-кавказоведом Евгением Крупновым, знал его труды, вел с ним переписку: «Должен тебе сказать, что любил этого человека за то, что он до некоторой степени осветил прошлое нашего народа... У меня имеется из Крупнова “Древняя история Северного Кавказа”, издательство академии наук СССР, Москва, 1960 г., затем брошюра о Чечено-Ингушетии и Древности Чечено-Ингушетии. Если предстоящая к выходу из печати книга покойного иного характера, то буду рад ее получить» [Там же].

Большой интерес представляют письма просветителя, публициста Магомета Котиева, написанные дочери, а также его дружеские послания эмигранту третьей волны Исе Сагову (Сагон).

В Турции М. Котиев был известен под именем Мехмет Кетей. До эмиграции в Турцию М. Котиев четыре с половиной месяца (с 1 октября 1920 года по 17 февраля 1921 года) находился в Грузии, куда ему пришлось уехать после прихода большевиков на Северный Кавказ и установления здесь Советской власти.

В письме дочери Золотхан он подробно описывает свой путь сначала в Грузию, а затем в Турцию: «...1-го октября в 1920-м году мы с покойным Асланбеком выехали верхом из Таргима (колыбель всех ингушей), где мы в это лето скрывались в нашей родовой башне. Нас сопровождал проводник-горец из нашей фамилии. Ехали мы через Джейрах в то время в свободную Грузию. К вечеру мы были в Джейрахе. В тот же вечер, оставив лошадей в Джейрахе, мы стали карабкаться на вершину хребта, который был под снегом. Снег сильно мешал нам подниматься на вершину. Целую ночь мы поднимались и утром были на вершине хребта над Джейрахом. С этой вершины я в последний раз окинул взором Ингушетию: она вся была белая под снегом. В северной стороне хребта лежал снег, а в южной стороне было лето. С хребта мы начали спускаться вниз. Спускались целый день до вечера. Вечером мы встретили охотников-ингушей, возвращавшихся с охоты за дикими козами. Они нас повели в одну пещеру, где мы, усталые, спали на голых камнях до утра. Утром мы отправились пешком на Военно-Грузинскую дорогу и к полудню были на станции “Казбек”. Перночевав на станции “Казбек”, поехали на подводе в г. Тифлис» [6].

В письме, несмотря на то, что оно адресовано дочери, отсутствуют упрощенные речевые приемы, оно выдержано в литературном стиле. Его близость к повествовательному жанру обнаруживается с самого начала: подробно и живо описываются события исторического значения, кратко обрисованы характеры героев и даны психологические портреты, присутствует и авторское «я».

Стиль письма художественный, он отличается образностью. Перед нашим взором возникает картина горной Ингушетии, мы как бы воочию видим трудный переход через перевал, сопереживаем беглецам.

Присутствует в письме и лирическое начало. Невозможно читать без волнения строки, полные печали и скорби по утраченной родине. «Только человек, безмерно любящий свой родной край, может десятки лет, до самой смерти, хранить и лелеять в самых сокровенных глубинах души столь волнующий чистый образ Родины» [8, с. 19].

Об эволюции взглядов М. Котиева свидетельствует его письмо Исе Сагову: «...Что же касается наших политических деятелей, то я лично в них во всех без исключения разочарован не только теперь, а 34 года тому назад еще с Тифлиса, с 1921 года. Я лично от них совершенно ушел, и ни с кем с ними не работаю, потому что они не политические деятели, а большие интриганы, а некоторые прямо авантюристы, гоняющиеся вырвать у американцев или у англичан доллары и стерлинги... Много мог бы тебе о них сообщить, к сожалению, теперь у меня нет ни времени, ни настроения писать о них...» [7].

Магомет Котиев подвергает критике и деятельность одного из лидеров кавказской эмиграции Вассан-Гирея Джабагиева. Статьи, которые пишет Джабагиев для изучения России, по мнению Котиева, не интересуют кавказцев, а борьба, которая развернулась между партиями «Саид-Казихан» и «Намиток-Жабаги», не направлена на решение проблем кавказцев, а, скорее, преследует личные цели.

Так, М. Котиев пишет: «Сейчас идет борьба между партиями Саид-Казихан и Намиток-Жабаги, чтобы получить доллары у американцев: посмотрим, какая партия заслужит доверие у американцев и получит эти доллары, а какая партия из них получит эти доллары, сейчас же объявит себя правительством Северокавказской республики и диктатором народов Северного Кавказа.

Советую быть дальше от этих авантюристов, будешь спокойнее жить...» [Там же].

Эмигрант третьей волны Ибрагим Гелисханов заведовал издательством журнала «Свободный Кавказ», работал на радио «Свобода». Чечено-ингушская программа выходила в эфир четыре раза в неделю. И. Гелисханов вел передачи на чеченском и ингушском языках. В одном из своих писем он подробно сообщает о своей работе на этой радиостанции, пишет о нелегкой эмигрантской жизни, о скудном жаловании, которое едва хватает на жизнь: «...я иностранец здесь. Оккупационное время здесь давно прошло... я тебе, конечно, не жалею – это просто информация о моем положении здесь... Мое жалованье в месяц 300 д.м., а на одно питание надо 400-500 д.м.» [3].

Несмотря на то, что самим эмигрантам в Германии жилось тяжело, им приходилось заниматься вопросами обустройства соотечественников. Об этом пишут И. Гелисханов и супруга Вассан-Гирея Джабагиева Хелена Байрашевская [1].

Письма представителей ингушской зарубежной диаспоры свидетельствуют о том, что у них материальное благополучие занимает не приоритетное место в рейтинге ценностей. Б. Котиев в Стамбуле владел ювелирным магазином, М. Котиев получал отдельное жалованье за высшую награду Турции «Истиклал медальон» – «Медаль Свободы», свой магазин в Париже был и у семьи Магомеда Джабагиева. Но, тем не менее, в их письмах, письмах их родных прослеживается неудовлетворенность, тоска по родине, горечь разлуки с ней, мечта о возвращении.

«Хочется всех видеть, побывать за Сунжей – “Sopa hast” родник Сони, Еуї борз, т.е. курган могилы девушки, “Борга каш” и многое чего другое, но, видно, что с этим желанием я сойду в могилу» [5], – пишет Б. Котиев.

До конца дней своей жизни Магомет Котиев не расставался с надеждой вернуться на родину: «Если ваше правительство согласится, чтобы я приехал, то пришлите мне приглашение..., и если мне выдадут паспорт на безопасный приезд, я немедленно приеду хотя бы на несколько дней повидаться с вами со всеми, может быть, мне разрешат и навсегда остаться с вами» [6].

О своих страданиях от разлуки с родиной писала и Зарема Джабагиева: «...ведь я так мало видела своих – хотя меня к ним сильно тянет. “Как волка ни корми, его все в лес тянет”. Так и я, как бы ни была прекрасна Франция, ее культура, ее народ, но я все же смотрю в сторону своих» [4].

Письма ингушской зарубежной диаспоры являются богатейшим и бесценным фактическим материалом для изучения жизни и деятельности ее представителей, эпохи, в которой они жили и творили.

Теоретический и практический материал работы может быть использован студентами филологического факультета ИнГУ при изучении ингушской литературы, а также на занятиях речевого этикета.

Список литературы

1. Байрашевская Х. Письмо Исе Сагову. Стамбул. 1962. 02 апреля // Личный архив автора.
2. Берзег С. Е. Писатели в кавказской диаспоре. Самсун, 1995. 283 с.
3. Гелисханов И. Письмо Исе Сагову. Мюнхен. 1962. 21 февраля // Личный архив автора.
4. Джабагиева З. М. Письмо Исе Сагову. Париж. 1957. 06 октября // Личный архив автора.
5. Котиев Б. И. Письмо М. Плиевой. Стамбул. 1972. 15 февраля // Личный архив автора.
6. Котиев М. Ч. Письмо дочери Золотхан. Анкара. 1969. 09 сентября // Личный архив М.-С. А. Котиева.
7. Котиев М. Ч. Письмо Исе Сагову. Анкара. 1955. 02 апреля // Личный архив автора.
8. Муталиев Т. Х.-Б. Сын Ингушетии и России // Жизнь во славу царя, Отечества и своего народа. Генерал царской армии С. Т. Мальсагов (1868-1944). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1997. 239 с.

EPISTOLARY HERITAGE OF THE INGUSH FOREIGN DIASPORA

Yalkharoeva Marem Akhmetovna, Ph. D. in Philology
Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev
maremyalharoeva@mail.ru

The article is devoted to the epistolary heritage of political writers of the Ingush abroad. The letters by the writers of the Ingush Diaspora, being documents of the epoch and reflecting the many-sided nature of the personalities of correspondence participants, present great interest for the Ingush philology, for researchers, who deal with the Ingush abroad. The paper considers the range of issues raised by the authors of the correspondence. For the first time the letters of the Ingush Diaspora have become the object of the study. The analysis of archival sources, introduction of epistolary heritage of the Ingush abroad writers into the scientific use is considered topical as it contributes to the understanding of their lives and creative works.

Key words and phrases: Ingush Diaspora; Ingush emigration; stages of resettlement; epistolary heritage; letters; political writers.

УДК 821.161.1-047.37(510)

Статья посвящена выявлению и анализу основных исследовательских позиций китайских авторов в отношении русской литературы середины XX в. Идея «красной классики», появившаяся в Китае в 1950 гг., получила широкое распространение и оказала значительное влияние на китайскую литературу. Советская «красная классика» являлась образцом для творчества китайских литераторов и занимала центральное место в изучении советской литературы. Принципиально другая ситуация в китайской культурной рецепции советской литературы наметилась после знакомства с творчеством К. Г. Паустовского.

Ключевые слова и фразы: «красная классика»; советская революционная литература; распространение; влияние; переводческая рецепция; «Как закалялась сталь» Н. А. Островского; «Золотая роза» К. Г. Паустовского.

Ян Янь

Дальневосточный федеральный университет
dannianguy@aliyun.com

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КИТАЕ СЕРЕДИНЫ XX СТОЛЕТИЯ В ОЦЕНКЕ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Для того чтобы охарактеризовать положение русской литературы в Китае середины XX в., обратимся к исследовательской литературе по данному вопросу. Этой проблематикой занимались многие китайские литературоведы: Ван Цзечжи (汪介之) [4; 5], Чжу Цзинюй (朱静宇) [14], Лю Вэньфэй (刘文飞) [3], Чэн Цзяньхуа (陈建华) [18; 19], Чэнь Наньсянь (陈南先) [15; 16], Юй Цзя (于嘉) [22], Ян Лицзин (杨利景) [23], Дун Сяо (董晓) [1; 2; 6; 7], Ли Дань (李丹) [8], Ли Юецзинь (黎跃进) [10], Шэнь Сиян (沈喜阳) [21], Лу Юйлин (卢玉玲) [11], Чэнь Цзин (陈静) [17], Цзя Минчжи (贾明志) [13], Су Чан (苏畅) [12], Чэнь Юй (陈钰) [20], Ли Суйань (李随安) [9] и др.

По свидетельству известного китайского русиста Лю Вэньфэя, в 1950-60 гг. распространение и влияние русской литературы достигли в Китае огромных масштабов [3]. Роль русской литературы как в китайском литературном процессе второй половины XX в., так и в формировании исследовательской традиции изучения русской литературы с полным основанием рассматривается как уникальная [Там же]. Однако при этом выясняется, что культурное воздействие русской литературы сложно и неоднозначно и до сих пор многие проблемы остаются спорными и даже неисследованными.

Проблема была осложнена изменившейся общественно-политической ситуацией в России и в Китае. В 1950-60 гг. в Китае появилась идея «красной классики» («红色经典»). Именно так специалисты называли советскую литературу, которая стала особенно популярной в Китае в середине XX в. Это понятие стало центральным в китайской исследовательской литературе того времени. Было отмечено, что слово «красный» в этом определении подчеркивало идеологический и политический подходы к указанному явлению, называемому тогда литературой социалистического реализма [22, с. 2-3]. Однако начиная с 1990 гг. в связи с распадом СССР в Китае возникла потребность пересмотреть эти подходы, сформировать современное отношение к социалистическому реализму и сделать соответствующие новые оценки советской литературы. Эти вопросы привлекали и продолжают привлекать внимание китайских исследователей. Остановимся на основных аспектах современных подходов к данной проблеме, получившей широкое распространение в Китае.

Признание этой популярности нашло свое отражение в работах Чэн Цзяньхуа [19], Юй Цзя [22], Чэнь Наньсяня [15], Лу Юйлина [11], Цзя Минчжи [13], Су Чана [12], Дун Сяо [7] и др.

По статистическим данным, приведенным в работе Юй Цзя, наибольшее исследовательское внимание привлек роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Поистине рекордным стал издательский тираж этого произведения в Китае в 1950 гг. по сравнению с другими произведениями советской «красной классики» – 8 млн экземпляров [22, с. 6]. Другой исследователь – Дун Сяо в своей монографии объяснил причины